

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Эрик ЭРИКСОН

ТРАГЕДИЯ ЛИЧНОСТИ

Современный человек болезненно реагирует на любое «посягательство» на его личное пространство. Заикленность на собственном благополучии и безопасности не дает возможность человеку раскрыть свои творческие способности, не позволяет ему вполне реализоваться как профессионалу.

В результате жизнь кажется ему напрасной тратой сил и чередой упущенных возможностей...

Эрик Эриксон
Трагедия личности
Серия «Философский
бестселлер (Алгоритм)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27106204
Трагедия личности: Алгоритм; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-29967-6

Аннотация

По мнению Эрика Эриксона, современный человек болезненно реагирует на любое «посягательство» на его личное пространство; заикленность на собственном благополучии и безопасности не дает возможность человеку раскрыть свои творческие способности, не позволяет ему вполне реализоваться как профессионалу. Зачастую человек еще больше усиливает эту свою неспособность, ложно принимая ее за проявление индивидуальности и исключительности. Отсюда возникает конфликт между принятием «себя» и ощущением напрасности, бессмысленности прожитой жизни.

В результате, жизнь кажется ему напрасной тратой сил и чередой упущенных возможностей, у него возникает чувство отчаяния...

Содержание

Предисловие	5
Часть 1	13
Возрастные кризисы развития личности.	13
Оральный садизм. Самоубийственное провоцирование	
Желание быть «самим собой». Проблема «анальности». Чувства стыда и неуверенности в себе	28
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Эрик Эриксон

Трагедия личности

© Е.Длугач, М.Хорьков, Л.Бессонова, перевод, 2008

© ООО «Алгоритм-Книга», 2008

*** * ***

Предисловие

Американский психоаналитик Эрик Эриксон (1902–1994) – признанный лидер во многих областях психологического и философского знания. Как и многие другие последователи Фрейда, Эриксон был неудовлетворен тем, что основатель психоанализа рассматривал сознание как феномен, который испытывает диктат со стороны бессознательного и императивов культуры. Как можно говорить о трезвом и разумном поведении личности, если оно во многом обуславливается детскими страхами, вожделениями и инстинктивными импульсами, а кроме того находится под мощным воздействием социальных и родительских предрассудков. Где же, собственно, зона индивидуального и ответственного сознания?

Эриксон вводит понятие «феномена идентичности». Американский психоаналитик раскрывал идентичность в целом как процесс организации жизненного опыта в индивидуальное «Я». Он оценивал идентичность как сложное личностное образование, которое имеет многоуровневую структуру. Мир человеческий – это единая осмысленность, в основе которой лежит постоянная, трудно насыщаемая потребность человека проникнуть в собственное личностное ядро, осознать себя как индивидуальное, неповторимое существо. Человек стремится познать самого себя. Все его попытки

найти в себе специфически человеческое свойство или дать автохарактеристику отражают, в конечном счете, действие механизма идентичности. Но это чувство – весьма редкий феномен. Оно – удел избранных. Пожалуй, лишь чисто теоретически можно представить себе такую личность, которая проникла в ядро собственной субъективности, постигла себя, создала внутренне устойчивый образ своей индивидуальности.

Индивид, заброшенный в мир таинственных вещей и явлений, просто не в состоянии самостоятельно осознать назначение и смысл окружающего бытия. Он нуждается в системе ориентации, которая дала бы ему возможность отождествить себя с неким признанным образцом. Вот почему огромную роль в культурологии играет проблема культурной идентичности.

В основе многих эмоциональных состояний, какими являются, например, любовь, нежность, сострадание, сочувствие, ответственность, лежит нечто такое, что неизменно предполагает взгляд не только на самого себя, но и на других. Ведь эти чувства по самому своему определению «открыты», «направлены» на иной объект. Следовательно, глубинная потребность человека состоит в том, чтобы постоянно видеть перед собой какие-то персонифицированные образцы.

Разумеется, человек, прежде всего, ищет их в ближайшем окружении. Но оно так знакомо и подчас однообразно.

Иное дело – экран. Здесь творится необычный, иногда эксцентричный образ, в котором зримо воплощаются мои собственные представления о естественности, нежности, глубине чувства. Обратимся, например, к образу купринской колдуньи, созданному киноактрисой Мариной Влади (1955). Скуластая, с прозрачными глазами, она пронзила сердца миллионов людей. Образ так убедительно символизировал возвращение к естественности: вот она, босоногая, с распущенными по плечам белокурыми прядями, настоящее дитя природы...

Гораздо чаще человек – существо мятущееся, постоянно меняющее собственные представления о самом себе. Индивид живет в мире напряженных и противоречивых мотивов, стремлений и ожиданий. Ему постоянно нужна опора. Он все время пытается соотносить свое поведение с персонифицированным образом. Девочки играют в дочки-матери – это непреходящий, постоянно воспроизводимый ритуал игры. Идеал многих юношей персонифицировался в Джоне Ленноне – пусть зыбкая, но мода. Государственный чиновник стремится уподобиться вышестоящему. Кавалькады рокеров... Неформалы со своей эмблематикой... Люди пытаются выразить себя опосредованно, через систему ритуалов, стереотипов, готовых образцов.

Эриксон проводит различие между понятиями «идентичность» и «идентификация». Лингвистически, как и психологически, идентичность и идентификация имеют общий корень. Идентификация – это психологический механизм, а идентичность – результат процесса уподобления. Американский психолог показывает, что ограниченность механизма идентификации становится очевидной сразу же, как только мы предполагаем, что никакие детские идентификации, поставленные в ряд, не могут вылиться в нормально функционирующую личность. Психология полагает, что задачей психотерапии является замещение болезненных и чрезмерных идентификаций другими более желательными. Но как и любое лекарство, «более желательные» идентификации должны быть полностью подчинены новому единому гештальту, который есть нечто большее, нежели просто сумма его частей.

Дело в том, что идентификация как механизм имеет определенные ограничения. На разных стадиях развития дети идентифицируют себя с теми аспектами окружающих людей, которые производят на них наибольшее впечатление, в реальности или в воображении – не имеет большого значения. Их идентификация с родителями, например, сосредоточена на определенных переоцениваемых и болезненно восприни-

маемых частей тела, способностях и внешних атрибутах роли. Более того, эти аспекты привлекательны не столько своей социальной значимостью, сколько тем, что отвечает природе детской фантазии, и этим открывают путь к более реалистическому самоутверждению.

В старшем возрасте ребенок сталкивается с понятной ему иерархией ролей; на протяжении детства это составляет круг его представлений о том, кем он может стать, когда вырастет, и уже очень маленькие дети способны к идентификации с целым рядом людей и отношений, которые затем требуют «верификации» в дальнейшей жизни. Вот почему культурные и исторические перемены могут оказать такое травмирующее влияние на формирование идентичности: они могут разрушить внутреннюю иерархию ожиданий ребенка.

В современном мире происходит процесс распада идентичности. Чем же обусловлен данный процесс? Ловушкой оказывается открытость индивида по отношению к другому. Но ведь именно через других реализуется механизм идентичности. Однако индивида, который пытается выстроить коммуникацию, ждет разочарование. Там, где он рассчитывал отыскать некое человеческое содержание, оказывается пустота. Субъекта нет, а есть только социальные роли. Социальное замещает индивидуальное. Там, где человек рассчитывал обрести подтверждение своей самостоимчивости, он наталкивается на безличные социальные позиции.

Идентификации подменяется процессом позиционирования

ния, Безличное тиражируется и даже клонируется, как подметил Ж. Бодрийяр. Там, где индивид рассчитывал на встречу с субъектом, обнаруживается просто социальный статус, некое место. Оказывается, человек выступает под неким псевдонимом, что гарантирует ему после смерти получить эмблему. Противостояние индивида и социума рождает не глубинный поиск тождественности, а «коллаж идентификаций». На социальном поле вместо личности обнаруживается всего лишь знак текста, пустое имя, «0».

* * *

Эриксон вводит еще одно значимое понятие – «психологический мораторий», под которым подразумевается отсрочка, предоставленная кому-либо, кто не готов принять ответственность. Под психосоциальным мораторием Эриксон понимает запаздывание в принятии на взрослых обязанностей. Каждое общество и каждая культура устанавливает определенный мораторий для своих молодых граждан. Для большинства из них эти моратории совпадают с периодом учения и тех достижений данного периода этапа жизни, которые соответствуют ценностям общества.

Мораторий может стать периодом краж и видений, временем путешествий или работы, временем потерянной «юности» или академической жизни, временем самопожертвования или веселых шуток. Большую часть юношеской преступ-

ности Эриксон рассматривает как попытку создания психосоциального моратория.

Но мораторий не требует того, чтобы быть пережитым сознательно. С другой стороны, молодой человек может ощущать себя вполне состоявшимся и только со временем узнать, что то, к чему он относился так серьезно, было всего лишь переходным периодом. Многие «выздоровевшие» молодые люди, возможно, чувствуют полное отчуждение от «глупости», через которую они когда-то прошли.

Между тем ясно, что любые экспериментирования с идентичностью означают также игру с внутренним огнем эмоций и побуждений и содержат в себе риск попасть в социальную яму, из которой нет выхода. Бывает и так, что мораторий отсутствует: индивид слишком рано определился или его достижения способствовали какие-то обстоятельства.

* * *

Следует отметить, что почти все психологи, обратившиеся к анализу феномена личности, отмечают сложность этого понятия, многообразие трактовок, относящихся к данной проблеме. «Ни одно понятие не отличается такой многозначностью, не допускает столь разнообразного употребления, как понятие личности», – говорил Ясперс. Можно согласиться с тем, что сколько существует теорий личности, столько имеется и ее определений.

Сложность проблемы во многом обусловлено тем, что с данным понятием связано много и других важнейших психологических терминов, в том числе «человек», «индивид», «индивидуальность», «характер», «тип», «темперамент», «способности».

Рассуждая о личности, мы невольно мобилизуем весь корпус психологических знаний. Личность – универсальное понятие духовного человека. Вот почему психология личности как теоретический раздел способна охватить разные стороны всеобъемлющих представлений о человеческой психике. И в этом плане вполне закономерно, что глубокие, опирающиеся на практические наблюдения идеи Эриксона получили широкое признание и разработку в современной философии и психологии.

Павел Гуревич, доктор философских наук, доктор филологических наук

Часть 1

Драма развития

(фрагменты из книги «Жизненный цикл»)

Возрастные кризисы развития личности. Оральный садизм. Самоубийственное провоцирование

Как только ребенок покидает привычную среду обитания в организме у матери – его врожденный – и более или менее скоординированный сосущий инстинкт – встречает более или менее скоординированную готовность матери кормить его и ухаживать за ним. С этой точки зрения новорожденный любит и живет ртом. Рот для него – это фокус первого столкновения с жизнью. В психоанализе эту стадию обычно относят к оральной стадии развития.

Тем не менее очевидно, что в дополнение к преобладающему желанию поесть, у новорожденного уже существует (или появится очень скоро) чувствительность и несколько другого рода. Как только он захочет и сможет сосать все под-

ходящие предметы, а затем и пить из них (имеется в виду бутылочка с соской. – *Прим. переводчика*), так вскоре он захочет и сможет следить глазами за всем, что попадает в поле его зрения. Его чувства «принимают» все, что приятно. В этом смысле можно говорить о «регистрирующей» стадии, на которой младенец восприимчив ко всему, что ему предлагают.

При этом новорожденные чувствительны и ранимы. Первый жизненный опыт должен не только поддерживать силы, он должен помогать ребенку координировать работу органов чувств, их «дыхание», «метаболизм» и «циркуляцию». Ответственны же за это только мы: родители и воспитатели. Мы обязаны следить за должным сенсорным стимулированием точно так же, как следим за режимом питания – иначе готовность к восприятию перейдет в диффузную оборону или даже в летаргию.

Теперь, когда мы выяснили, что обязательно делать для того, чтобы обеспечить ребенку безопасное существование (минимум необходимого внимания) и что делать запрещено, если мы не хотим травмировать ребенка и сделать его хронически несчастным (максимум ранней толерантной фрустрации) – встает вопрос о том, а что же желательно делать для правильного развития ребенка. Ответ на этот вопрос варьирует в широких пределах, и различные культуры активно пользуются своим исключительным правом решать, что обязательно, а что желательно. Некоторые считают, что во

избегание неприятностей (скажем, чтобы не выцарапать себе глаза) ребенок до года должен быть туго спеленут – при этом его баюкают и кормят, едва он закричит. Другие же придерживаются того мнения, что ребенок должен свободно дрыгать ножками – и чем раньше, тем лучше – но при этом беднягу заставляют кричать до посинения, прежде чем соизволят его покормить. Все это более или менее сознательно, видимо, определяется тем, какие глобальные цели преследует данная культура.

Я слышал, как горько сокрушались старые индейцы, когда мы разрешали нашим малышам покричать, ведь считалось, что это «укрепляет легкие». «Нет ничего удивительного, что после такого тяжелого испытания белый человек столь жаждет попасть на небеса», – вздыхали они. Но те же самые индейцы с гордостью рассказывали, как их дети (которых кормят грудью даже после года) получали кулаками по голове, если нечаянно прикусывали сосок; эти «добряки», в свою очередь, верили, что такое наказание «сделает из детей добрых охотников».

В кажущейся произвольности взглядов на воспитание есть немало житейской мудрости, неосознанного планирования, и очень много суеверия. В представлениях о том, что же полезно для ребенка, что было бы желательно для него сделать – есть своеобразная инстинктивная логика, зависящая от того, где, когда и кем этот ребенок станет, то есть зависящая от ориентации данного общества.

Во всяком случае, уже в самом начале жизненного пути новорожденный сталкивается с самыми принципиальными культурными модальностями. Самой ранней и самой простой является «получение», причем не в смысле «иди и возьми», а в смысле получения и восприятия того, что предлагается. Все выглядит так просто, что лишь неисправность механизма «получения» открывает нам глаза на реальную сложность процесса. Нестабильный и лишь «нащупывающий дорогу» младенческий организм учится этой модальности по мере того, как он, в зависимости от действий матери, регулирует свою готовность к «получению». Когда мать развивает и координирует способы «давания», тем самым она дает ребенку возможность совершенствовать средства «получения». Таким образом, получая «даваемое», обучаясь тому, как «заполучить» нужного в данный момент человека, новорожденный незаметно учится давать. Это ему необходимо для того чтобы отождествить себя с матерью и, в конечном итоге, превратиться из «получателя» в «давателя».

У некоторых излишне «чувствительных» индивидов, или у тех, чья ранняя фрустрация так и не была скомпенсирована, слабость первоначальной взаимной регуляции может явиться причиной нарушения нормального отношения к миру в целом, а к близким людям – в особенности.

Безусловно, поддерживать взаимность в системе мать – ребенок, можно не только на уровне оральных рецепторов. Ребенку нравится, когда ему тепло, когда его держат на руках, когда ему улыбаются, с ним беседуют, укачивают и т. п. Кроме такой «горизонтальной» компенсации (в пределах одной стадии развития) существуют «вертикальные» компенсации, возникающие на следующих этапах жизненного цикла.

В течение «второй оральной» стадии созревает более активная и более направленная форма способности ставить цели и получать затем удовольствие. Режутся первые зубы, а вместе с ними возникают приятные ощущения при откусывании и покусывании твердых предметов. Такой же активно-регистрирующий способ действия характерен и для многих других проявлений. Глаза, сначала пассивно воспринимающие все, что попадает в поле зрения, теперь могут фокусироваться на объекте, как бы «выхватывая» его из окружающего фона, и следить за ним. Подобно этому органы слуха учатся различать важнейшие звуки, локализовать их и реагировать на них, управляя изменением положения тела (например, поднимать голову или верхнюю часть туловища). Ребенок тянет ручки точно в нужном направлении, а ладошки цепко хватают необходимое. Первое появление различ-

ных специфических способностей достаточно хорошо описано в литературе, посвященной детскому развитию. Нас же больше интересует структура глобального взаимодействия с окружающим миром, изменяющегося в течение жизненного цикла. Стадию же можно рассматривать как с позиции первого появления (или первого проявления) данной способности, так и с точки зрения устойчивой интеграции некоторых психических компонент, дающих «зеленую улицу» следующему этапу развития.

На второй стадии происходит становление интерперсональных паттернов (межличностных образцов) поведения, которые содержатся в таких социальных модальностях, как «взять» и «держать». Эти модальности относятся к миру вещей, которые, хотя и преподносятся ребенку более или менее свободно, тем не менее, имеют тенденцию постоянно ускользать от него. По мере того, как ребенок учится переворачиваться, приподниматься, а затем – очень постепенно переходить в «сидячее» положение, он постоянно совершенствует механизмы хватания, держания и жевания всего, что попадает в поле его досягаемости.

Кризис второй оральной стадии с трудом поддается установлению и оценке. Складывается впечатление, что в этот момент перекрещиваются три линии развития: 1) возрастание тенденции к более активной регистрации, присвоению и наблюдению; усиление внутреннего напряжения, связанного с «прорезыванием» зубов и с другими изменениями оральной

ной механики; 2) рост осознания себя как личности; 3) постепенное отдаление матери и возвращение ее к делам, заброшенным в период беременности и кормления. Последнее, кстати, включает в себя возобновление супружеских отношений, а стало быть, и вероятность новой беременности.

При наступлении стадии «кусания» (а вообще говоря, грудное вскармливание почти всегда этим заканчивается), ребенку приходится учиться сосать, не кусаясь – так, чтобы мать не отдергивала бы сосок в боли и ярости. Наши клинические наблюдения убедительно показывают, что эта стадия формирует некоторое чувство изначальной утраты, оставляя на всю дальнейшую жизнь горький привкус «отлучения от матери». Тем не менее, «отнятие от груди» не означает внезапную потерю всего дорогого для ребенка: и груди, которая его кормит, и мамы, которая его любит (если, конечно, не найдется женщины, которая будет любить его так же сильно). Если ребенка слишком резко лишить привычной материнской опеки, не найдя ему соответствующей замены, то (при наличии других «отягчающих» обстоятельств) это может привести к острой инфантильной депрессии¹, или – не в такой сильной форме – к хронической «мрачности», придающей депрессивный оттенок всей последующей жизни.

Но при наличии более благоприятного фона эта стадия рождает чувство разделенности и смутную – зато универ-

¹ R. A. Spitz. Hospitalism. Te Psychoanalytic Study of the Child, 1:53–74. New York: International Universities Press, 1945.

сальную – ностальгию по потерянному раю.

Именно для того, чтобы противостоять ощущениям «отлучения», «разделения» и «заброшенности» – всех тех впечатлений, которые оставляют в душе след изначального недоверия – и необходимо чувство изначального доверия, неустанно воссоздающее и поддерживающее само себя.

* * *

В литературе по психиатрии можно найти ссылки на так называемый «оральный характер» личности, в котором особенно ярко проявляются неразрешенные конфликты этой стадии. Если оральный пессимизм становится доминирующим (и исключительным), то такие инфантильные страхи, как боязнь остаться ненакормленным или покинутым, вполне могут перейти в депрессивные формы страха пустоты и бесполезности. Эти страхи, в свою очередь, могут придать оральности те специфические черты ненасытности, которые в психоанализе называются оральным садизмом.

Оральный садизм – это такое состояние, в котором человек испытывает острое желание получать (и брать), причиняя боль (вред) и себе, и другим. Но встречаются также случаи орального оптимизма, когда человек все же находит пути для того, чтобы получать и давать самое необходимое в жизни. Ну, и в конце концов, существует «нормальная оральность» как субстрат любой индивидуальности, как отголосок

первого жизненного периода сильной зависимости. Как правило, такая «норма» выражается во всех наших зависимостях и ностальгиях, в нашей страсти к «обнадеживанию» или к безнадежности. Интеграция результатов оральной стадии с итогами более поздних этапов развития формирует юношескую комбинацию веры и реализма.

Патология и иррациональность оральных устремлений полностью зависят от степени их соответствия структуре личности, от того, насколько эти устремления согласуются с глобальными образцами данной культуры, и на каком межличностном уровне они проявляются.

Здесь, так же как и всегда, мы должны определить, допустимо ли считать выражение инфантильных потребностей патологическим отклонением от общей системы экономических или моральных оценок данной культуры (или нации). Можно, к примеру, упомянуть про поддерживающую веру в «счастливый случай», – традиционную прерогативу чисто американской веры в свою изобретательность и в благожелательность фортуны.

Временами создается впечатление, что эта вера переходит в крупную азартную игру или принимает форму волюнтаристического самоубийственного провоцирования Господа Бога, когда человек непрерывно доказывает, что он мало того, что равен со всеми в правах, он – лучше их всех. Точно таким же образом, приятное чувство удовлетворения, охватывающее нас (особенно в какой-то компании) при столк-

новении со старыми или новыми вкусовыми ощущениями, при вдыхании, втягивании, глотании и переваривании пищи, легко может перейти в общую привычку, ничего не выражающую и никоим образом не ведущую к изначальному доверию. Совершенно очевидно, что здесь требуется эпидемиологический подход к вопросу: необходимо выяснить как внешнюю «злокачественность» инфантильных проявлений в культурной жизни, так и внутреннюю – в так называемых «дурных» склонностях, в различных маниях, в чувстве ненасытности – то есть везде, где можно обнаружить слабую степень орального удовлетворения.

* * *

Говоря о развитии, невозможно обойти молчанием самую первую точку отсчета. К сожалению, о самых ранних и глубинных образованиях человеческой души нам известно так мало! И все же я льщу себя надеждой, что мы наметили основные направления изучения постоянно возникающих составляющих человеческой витальности – от момента их зарождения, через кризис плентичности до последующего посткризисного состояния.

Хотя эта глава посвящена вопросу периодизации, мы не сможем рассмотреть остальные стадии развития столь же подробно, как первую. В дополнение к непосредственно измеряемым параметрам развития, наша схема исследования

включает в себя: 1) Увеличение степени либидо (расширение либидозных потребностей), и, соответственно, появление новых возможностей для удовлетворения, фрустрации и «сублимации»; 2) Расширение социального радиуса, то есть возрастание количества людей, с которыми ребенок может контактировать на основе своих высокодифференцированных, способностей; 3) Возникновение кризиса развития, обусловленного необходимостью адаптации к новым условиям в пределах данной временной разрешенности; 4) Пробуждение чувства отчуждения, связанного с осознанием новых зависимостей и новых форм близости (в самом раннем младенчестве – чувство покинутости); 5) Формирование специфически новой психосоциальной устойчивости (в данном случае преобладание доверия над недоверием), определяющей всю дальнейшую сопротивляемость.

Как видите, это «запрещенная» схема личностных характеристик, слишком сильно зависящая от наших непосредственных целей, а именно, от способа описания ранних детских переживаний, которые способствуют, или – наоборот – препятствуют развитию будущей идентичности.

Что же мы называем самым ранним и самым недифференцированным «чувством идентичности»? Я считаю, что это чувство возникает в результате общения матери и ребенка, общения, пронизанного ощущением взаимной надежности и взаимным узнаванием. «Чувство идентичности», во всей его младенческой простоте, дает первый опыт того, что позже

– когда нахлынет «настоящая» любовь – получит название чувства «благоговейного присутствия», тоска по которому никогда не покидает человека.

Отсутствие или искажение этого чувства могут опаснейшим образом ограничить способность личности к идентификации. Глобальная необходимость идентификации подготавливается всем ходом юношеского развития, требующего от подростка отказа от мира детских грез и доверчивого вступления во «взрослую» самостоятельную жизнь.

С этой точки зрения к перечисленным шести пунктам я должен добавить седьмой, а именно – вклад каждой стадии развития в становлении «главного» человеческого стремления. Уже сформированное, это стремление у взрослого человека всегда превалирует над любыми стремлениями и любыми отчуждениями зрелого возраста.

Каждая последующая стадия и каждый последующий кризис всегда соотносятся с основными институализированными устремлениями человеческой природы по той простой причине, что жизненный цикл и система общественных установок эволюционируют совместно. Отношения между ними двоякого рода: каждое поколение привносит в свои установки осадок пережитых инфантильных потребностей и юношеских страстей, и с помощью этих установок – в свою очередь – поддерживает свою жизнестойкость – по крайней мере, пока эти установки работают.

Если я определяю религию как такую систему взглядов, с

помощью которой человек пытался как-то подтвердить чувство базового доверия, то тем самым я опровергну попытку отнесения религиозного мировосприятия к проявлениям ребячества или – более того – к регрессивным проявлениям, хотя ни для кого не секрет, что практика и теория религии как формы общественного института отнюдь не исключают тотального инфантилизма. Как только мы преодолеваем универсальную амнезию всех «пугающих» сторон нашего детства, то сразу же с благодарностью осознаем, что розовый флер детства сохраняется на всю оставшуюся жизнь. Доверие перерастает в веру – в жизненно важной необходимости которой человек убеждается тем или иным способом. Мне кажется, что религия является древнейшим институтом (в смысле системы взглядов. – *Примеч. перев.*), предназначенным для облаченного в обрядовую форму возобновления чувства доверия в виде веры.

Эта система взглядов дает точное и ясное определение чувства греха, от которого она и призвана защищать человека. Если вспомнить о том, что религиозный способ поведения включает в себя «детское» подчинение творческой силе Божьей, стоящей у колеса земной Фортуны и обеспечивающей душевный мир, то изначальная детская устойчивость и способность к инфантилизации представляются очень весомыми величинами. В пользу последнего утверждения говорит также религиозная демонстрация «малости» и зависимости, проявляющаяся в полном отсутствии саморекла-

мы, уничижительной жестикуляции, в исповедальном признании своих ошибок и грехов и в горячей молитве о внутреннем обновлении под мудрым водительством Божиим. Все это в высшей степени стилизовано и, стало быть, переведено в область надличностного.

По мере того, как индивидуальная мольба о возвращенном доверии становится частью совместного ритуала и выражением «надежности» данного сообщества людей, индивидуальное доверие перерастает в общую веру, а индивидуальное недоверие становится общепринятым злом.

Когда религиозность теряет свою актуальность, общество находит другие формы совместного «благоговения» перед жизнью, и тогда витальность поддерживается этими общепринятыми представлениями о мировом устройстве. Поскольку о витальной силе веры и надежды, всасываемой с молоком матери, можно говорить только как о разумно устроенном мире, то лишь это и является проверенной временем гарантией осуществления самых заветных желаний вне зависимости от прочих беспорядочных побуждений и модных веяний. Ребенок, находящийся на самой ранней стадии развития, мог бы сказать о себе так: «Я – это та надежда, которую я получаю и дарю»².

² Одним из главнейших недостатков приведенной здесь схемы является тот дополнительный смысл, который вносится в чувство доверия (и во все прочие «позитивные» чувства) и может рассматриваться, как *достижение*, возникающее на той или иной стадии развития. И в самом деле, многие писатели настолько преуспели в своей пристрастности к «шкале достижений», что просто легко-

мысленно отбросили все негативные потенции (изначальное недоверие и т. п.), которые не только «контрапунктируют» позитивные потенции на протяжении всей жизни, но просто необходимы в психосоциальном плане. Личность, лишенная изначального недоверия, так же нежизнеспособна, как и лишенная доверия. Реальным достижением каждой стадии является достижение определенного *соотношения* негативного и позитивного, и в случае позитивной направленности ребенок может встретить свой очередной кризис в витальной «предрасположенности». Мысль о том, что приобретенная в определенный момент времени «позитивность» совершенно непроницаема для новых внутренних конфликтов и внешних пертурбаций, является проекцией на ось детского развития той идеологии успеха, которая в столь высокой степени, ставшей просто опасной, пронизывает многие наши личные и общественные представления. – *Прим. авт.*

Желание быть «самим собой».

Проблема «анальности». Чувства стыда и неуверенности в себе

Психоанализ обогатил психиатрический словарь словом «анальность», которое относится к специфическому удовлетворению и специфическим желаниям, связанными с органами выделения человеческого тела. Пристальное внимание к процессам очищения организма обусловлено тем, что буквально с пеленок ребенок слышит поощрительное «хорошо», когда он удачно справляется с поставленной перед ним «глобальной» задачей. Сначала это поощрение необходимо для компенсации некоторого дискомфорта, связанного с ежедневной работой кишечника. По мере образования более оформленного стула и совершенствования того отдела мускулатуры, который отвечает за произвольное выделение (и произвольное сдерживание), анальный опыт все более и более обогащается. При этом область применения нового подхода к «жизни» вовсе не ограничивается сфинктерами. У ребенка развивается генеральный навык – а лучше сказать, неистовое желание – волевого противопоставления сдерживания и извержения, или, в более общем виде, «держания» и «отпускания».

Важнейшее значение этой второй стадии раннего детства

состоит в быстром наращивании мышечной массы, в появлении речи, а также в возникновении дифференцированной способности – или вдвойне переживаемой неспособностью – соотносить между собой образцы совершенно противоположных действий, суть которых выражается антонимами «держать» – «отпускать». Здесь так же, как и во многом другом, ребенок – до сих пор столь зависимый от других – начинает проявлять свою автономную волю. Именно в это время на сцену выходят сдержанные и удовлетворенные желания, буквально раздирающие ребенка на части. Конфликтные ситуации объясняются не только тем, что детские прихоти очень часто идут вразрез с родительской волей, но и тем, что ребенок нередко неадекватен своему самому яростному побуждению.

Что касается пристойности анальных проявлений, то все зависит от того, как это вписывается в систему культурных ценностей. В некоторых примитивных и земледельческих цивилизациях родители полностью игнорируют анальное поведение и предоставляют старшим детям полную свободу руководства младшими в этом вопросе. Уступчивость же последних вполне объясняется их желанием во всем походить на взрослых.

Наша, западная, цивилизация (как, впрочем, и некоторые другие, например, японская), а особенно некоторые группы внутри ее, относятся к этой проблеме более серьезно. Век машинного производства создал идеал вышколенного,

натренированного, безусловно функционирующего, всегда чистого и благоухающего тела. Кроме того, с большей или меньшей степенью предубеждения предполагается, что раннее строгое приучение к «горшку» абсолютно необходимо, так как в нашем механизированном мире, где время – деньги, эта привычка будет способствовать более эффективному образу жизни.

Таким образом, ребенок из животного, нуждающегося в дрессировке, почти мгновенно превращается в хорошо отлаженную машину – хотя совершенно очевидно, что сила воли может развиваться только очень постепенно. Во всяком случае, в нашей клинической практике очень распространены невроты навязчивых состояний – невроты исключительно нашего времени, при которых скудость, задержка и щепетильность в отношении любви, времени и денег вполне соответствует манере физиологических отпавлений больного. Кроме того, эта сторона детского воспитания стала самой волнующей темой для дискуссий в самых широких слоях нашего населения.

* * *

Что же делает анальную проблему столь важной, а решение ее – столь трудным?

Анальная зона больше, чем какие-либо другие части человеческого тела приспособлена для настойчивого выраже-

ния некоего конфликтного импульса. Объясняется же это тем, что именно анальная зона является моделью сосуществования, а затем и взаимоисключения, двух противоположных тенденций, а именно сдерживания и выделения. Далее – сфинктеры составляют всего лишь небольшой отдел всей системы мускулатуры с ее глобальной амбивалентностью напряжения и расслабления, сужения и растяжения.

Поэтому эта стадия незаметно становится битвой за автономию. По мере того, как ребенок все крепче стоит на своих ножках, он постепенно учится выделять себя из окружающего мира и ориентироваться в понятиях «я», «мне», «мое» и «ты», «тебе», «твое». Каждой матери знакома невероятная стоворчивость ребенка в этом возрасте, но только в том случае, если он «пламенно возжелает» сделать то, что от него требуется. К сожалению, универсального рецепта для убеждения пока не существует. Ребенок, еще секунду назад так любовно прижимающийся к матери, вдруг может безжалостно оттолкнуть ее. В это же самое время в нем уживаются столь противоположные желания, как собирать вещи и разбрасывать их, беречь свои сокровища – и внезапно выбросить их из окна.

Все эти кажущиеся столь несовместимыми импульсы мы объединяем общим понятием «сдерживающе-отторгающего» образа действия. Фактически все основные модальности с одинаковым успехом могут служить для выражения как позитивного, так и негативного отношения. Следовательно, же-

ление «держат» вполне может обернуться жестоким и разрушительным сдерживанием и воздержанием, но, с другой стороны, может сформировать паттерн «заботливого» поведения в смысле «иметь что-то» и «держаться за это». Точно так же воля к освобождению, желание «отпустить» может перейти в злокачественную форму, когда человек неспособен сдерживать свои разрушительные порывы, но, с другой стороны, может развить спокойное, ненапряженное отношение к жизни (что, пожалуй, лучше всего формулируется в оборотах типа «оставить в покое» и «не обращать внимания»). В культурном смысле эти модальности сами по себе не плохи и не хороши; их оценка полностью определяется тем, как они встраиваются в систему культурных ценностей.

Сложившаяся взаимная регуляция взрослого и ребенка подвергается новым суровым испытаниям. Если родители слишком строго или слишком рано лишают ребенка возможности свободно и постепенно приобрести навыки управления своим организмом, то они сталкиваются с удвоенным сопротивлением и удвоенным поражением. Ребенок, бессильный перед анальными инстинктами, и напуганный своими собственными ощущениями и родительским бессилием, вынужден искать удовлетворения в регрессивных или ложно-прогрессивных формах поведения. Другими словами, он возвращается к более ранним оральным привычкам, например, сосет большой палец и становится чрезмерно требовательным, своевольным и враждебно настроенным; проявля-

ет излишний интерес к своим фекалиям (что позже перерастает в пристрастие к «грязным» словам); или претендует на полную автономию и способность со всем справляться самостоятельно, без посторонней помощи – что ему, конечно же, не удастся.

Поэтому именно на второй стадии развития решается, каким будет личностное соотношение между миролюбием и злобным самоутверждением, между кооперацией и своеволием, между самовыражением и самоограничением. Самоконтроль и самооценка являются онтогенетическими источниками свободной воли. Предрасположенность к сомнению и чувству стыда вытекает из чувства неизбежности потери не только родительского, но и самоуправления.

Для развития чувства автономии совершенно необходимо неустанно укреплять чувство доверия. Ребенок должен твердо уяснить, что его вера в себя и в окружающий мир не может пострадать от его неистового желания настоять на своем, и только родители могут защитить ребенка в его неопытности и неосмотрительности. Окружающие должны поддерживать в ребенке желание «самому стоять на ногах», помогая ему справиться с новым для него ощущением «выставленности напоказ в глупом свете» (то есть ощущением стыда) и чувством вторичного недоверия. Это вторичное недоверие мы называем неуверенностью – неуверенностью как в себе, так и в своих руководителях.

Чувство стыда приобретается почти безболезненно, потому что наша культура характеризуется очень ранним «растворением» этой инфантильной эмоции в чувстве вины. Стыдливость предполагает осознание «взгляда со стороны» – другими словами, стыдливость предполагает самоосознание. Что-то, что должно остаться в тайне, теперь открыто всем взорам. Вот почему «стыд» так часто ассоциируется с тем состоянием, когда нас застали врасплох, ночью, а мы не одеты, и сердце у нас «уходит в пятки». Стыдливость очень часто проявляет себя в желании спрятать лицо или «провалиться сквозь землю». Предрасположенность к чувству стыда эксплуатируется во многих первобытных культурах, проповедующих «стыдливый» метод воспитания. В данном случае чувство стыда вытесняет значительно более деструктивное чувство вины, о чем мы поговорим несколько позже.

Обычай тщательно закрывать лица чадрой или вуалью, принятый у некоторых народов, уравнивает чувство стыда, базирующееся на чувстве «малости», которое возрастает по мере того, как ребенок начинает ходить и осознавать относительность размеров предметного мира.

Слишком большая стыдливость вовсе не гарантирует появления чувства приличия, но, наоборот, может закрепиться в тайной склонности к воровству и привести к намеренному

бесстыдству. Всем знакома потрясающая американская баллада об убийце, которого должны повесить на глазах у «почтенной публики». И вот он, вместо того, чтобы смертельно бояться и дрожать от стыда, начинает осыпать всех присутствующих грязными ругательствами, заканчивая каждый пассаж словами: «Проклятие вашим глазам!» Малышу частенько бывает невыносимо стыдно за свое поведение, и, наверное, если бы он обладал тем же мужеством (и тем же словарным запасом), что и этот убийца из баллады, он выразился подобным же образом. Самое неприятное заключается в том, что каждый человек (будь то взрослый или ребенок) имеет свой индивидуальный порог чувствительности, за пределами которого он начинает считать свое тело, свои желания и свои потребности недостойными и грязными, а тех, кто не испытывает таких «низменных» страстей, – абсолютно безгрешными. Иногда может случиться и так, что ребенок вообще перестает прислушиваться к мнению окружающих, считает злом единственный факт их существования и ждет не дождется, когда его оставят одного.

Эта стадия развития чревата усилением «нормативного» отчуждения детей и родителей, что, в свою очередь, может вызвать психотические и невротические расстройства. Чувствительный ребенок вполне может «заикнуться» на своем желании «ну и пусть мне будет хуже», что может привести к преждевременному развитию совестливости. Вместо неторопливого и постепенного постижения смысла вещей, даю-

щегося в игре, ребенок проявляет яростное желание иметь все «прямо сейчас». Когда ребенок не может «разумно» отрегулировать свои отношения с родителями, он берет «верх» над ними именно с помощью этой «инфантильной одержимости» и бесконечно занудных «ритуальных» повторов. Эта сомнительная победа является моделью будущего невроза навязчивых состояний.

В юности человек, подверженный таким состояниям, обнаруживает полную неспособность противостоять своим непреодолимым желаниям. Чтобы освободиться из-под гнета навязчивости, он, наоборот, идет «на поводу» своих желаний – и, к примеру, начинает воровать. В то самое время, как подросток учится изворачиваться и выходить сухим из воды, его рано созревшая совесть запрещает ему красть, и поэтому молодой человек встречает свой кризис идентичности привычно пристыженным, извиняющимся и дрожащим от страха, что его увидят. Кроме того, может сработать компенсаторный механизм, и подросток начнет выказывать открытое неповиновение, идеалом которого является «бесстыжая бандитская наглость»...

Неуверенность сродни стыду. Но если чувство стыда зависит от степени честности и «открытости» сознания, то неуверенность связана с наличием различных плоскостей сознания, а более всего с тем, что находится за пределами сознательного. Поскольку, хотя ребенок и не может заглянуть в глубины своего организма и разобраться в работе сфинкте-

ров – этих носителей либидо и агрессии, при определенном внешнем влиянии эта глубинная область может стать доминирующей. Захват этого темного островка на светлом фоне остального тела может стать определяющим для того, кто посягает на чужую независимость и считает продукты выделения человеческого организма чем-то греховным (в то время как возможно совершенно нормальное и спокойное отношение к этому).

Базовое чувство неуверенности в своих неосознанных способностях является моделью навязчивых движений, а также других, более поздних и более вербальных разновидностей навязчивых состояний. Типичный пример этому – параноидальная мания преследования и постоянные поиски мифической внешней опасности. Для юности характерна глобальная неуверенность в себе и ощущение невозможности использования своего детского опыта на следующем этапе развития. Отрицание может дойти до упрямого пристрастия ко всему «низменному» и «гадкому», что, конечно, включает грязное поношение в адрес самого себя и окружающего мира.

* * *

Так какие же общественные институты призваны охранять завоевания второй стадии развития? Мне кажется, что изначальная потребность в автономности гарантируется об-

щечеловеческими принципами права и порядка. Принципы эти действуют не только в зале суда, но и в нашей обыденной жизни, определяя права, обязанности и привилегии каждого из нас. Помочь в воспитании маленького человека, который демонстрирует супраперсональное негодование гораздо чаще, чем некую абстрактную добродетель, способно лишь чувство разумно-ограниченной автономии самих родителей. Этот вывод представляется нам исключительно важным, так как чувства неуверенности и унижения, возникающие в результате наказания и столь присущие многим детям, на самом деле являются следствием родительских фрустраций в супружеском, профессиональном и гражданском планах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.